

© 2010 г. Л.П. ГРОТ*

ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Изучение некоторых аспектов сакральных традиций в древнерусской истории и их проявлений на Русском Севере заставили меня обратить внимание на группы северных топонимов, которые обнаружили родство с индоевропейской языковой средой, причем с ее очень архаичными пластами. Я провела анализ этой топонимики, привлекая данные исследований в области сакральной географии – части культурного ландшафтоведения¹, а также этнологические концепции, исследующие ритуалы пространственного перемещения первичного социума и освоения новых пространств², в результате чего пришла к предположению что, возможно, первой этнически верифицируемой общностью на севере Восточной Европы были носители индоевропейских языков. Изучение северных гидронимов с корнем *вар-* дало импульс для реконструкции северной прародины летописных варягов – носителей северного индоевропейского субстрата. В настоящей статье изложена гипотеза о связи летописных варягов с праиндоевропейским населением Севера России. Данное исследование является частью работы, посвященной обоснованию до-славянского периода в русской истории, сложившегося в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы и не ставшего объектом внимания исторической науки.

Начиная с XVIII в. тема варягов является краеугольным камнем дискуссий и концепций о происхождении и развитии русской государственности. Сущность варяжского вопроса сформулировал известный специалист по этой проблематике В.В. Фомин как «проблему этноса и родины варягов и варяжской Руси, проблему значимости их роли в складывании и развитии государственности у восточных славян... проблему происхождения имени русского народа. В нашей историографии мало найдется тем, сравнимых с варяжским вопросом по степени интереса, по количеству работ и накалу полемики»³.

Имя «варяг» как в русском летописании, так и в иностранных источниках выступает в значении этнонима (варяги как потомки Иафета), а также является частью топонимов (Варяжское море). О варягах, как о народе, читаем, например, в Повести временных лет (далее – ПВЛ): «По сему же морю седять варязи семо ко востоку до предела Симова, по тому же седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане (готы), русь, агняне»⁴. О варягах как народе говорят восточные источники, в частности труд среднеазиатского ученого-энциклопедиста А.-Р. аль-Бируни (973–1048)⁵. Как отметил С.А. Геденов, «Абу-Рейхан Мухаммед эль-Бируни... в своем сочинении “Обучение началам астрономической науки”, изданном им на арабском и персидском языках, в 3-х местах говорит о варягах (варанг)»⁶. Описывая европейскую гидронимию, Бируни говорит о большом заливе «на севере у саклабов», который «простирается близко к земле булгар, страны мусульман; они знают его как море варанков, а это народ на его берегу»⁷. В некоторых источниках варяги выступают как собирательное имя для группы общностей. Геденов и А.Г. Кузьмин подчеркивали, что во всех арабских известиях Балтийское море явно под влиянием русской традиции также называлось «Море варанков» или «Море варенгов», т.е. «Варяжским»⁸. Сохранившиеся архаичные гидронимы наводят на мысль о древних корнях слова «варяг».

Каковы основные концептуальные подходы в отечественной науке относительно происхождения слова «варяг»? Приведу характеристики двух наиболее известных концепций – норманистской и концепции, разработанной А.Г. Кузьминым. В норманизме слово «варяг» рассматривается изначально не как этноним. Варяги – это группы военных наемников, т.е. их генезис – профессионально-отраслевой. Эта позиция восходит к Г.З. Байеру, который, стремясь доказать шведское происхождение варягов, утверждал, что «Скандия от некоторых называется Вергион и что

* Грот Лидия Павловна, кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

Статья печатается в авторской редакции.

Продолжение дискуссии по данной теме в следующих номерах.

оное значит остров волков ... что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля... Скандинавцы бо почти в беспрестанном морском разбое упражнялись, отчего варгами и отчество их Варгион, или Варггем, могло называться»⁹. Эту бессмыслицу Байер позаимствовал у шведского писателя XVII в. Олофа Рудбека (1630–1702), прославившегося своим произведением «Атлантида» («*Atländ eller Manheim*»), в которой он развил идеи шведских литераторов XVI–XVII вв. об античных мифах о гиперборейях, а также об их стремлениях доказать, что Гиперборея находилась на территории современной Швеции. Под именем же гипербореев выступали прямые предки шведов, которые благодаря этому должны рассматриваться и как вдохновители древнегреческой цивилизации – фундамента общеевропейской культуры, и как основоположники крупнейшего восточноевропейского государства Руси¹⁰. О. Рудбек писал: «Ю. Магнус в своей “Истории” неоднократно говорит, что некоторые называли остров Швеция как Вергион... Шведское море Эстершен (“*Östersjön*”, т.е. “Восточное море”. – Л.Г.) русские называют Варгехавет (*Wargehafwet*), как видно из русских записок Герберштейна (?! – Л.Г.), а шведов – варьар (*Wargar*), что показывает, что великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции, когда мы туда пришли. Почему Швеция получила это имя, хорошо разъясняется О. Верелиусом в его примечании к Гервардовой саге: от великого разбоя на море, поскольку волки (*Wargur*) – это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море»¹¹. К несчастью, когда Байер в 1735 г. публиковал свою статью «О варягах», авторитет О. Рудбека был очень высок во многих европейских странах в силу моды на идеи о готско-германо-норманнских началах в западноевропейской истории. Прославлению Рудбека способствовали английский готицизм и французские просветители, т.е. первейшие авторитеты общественной мысли в Западной Европе XVII–XVIII вв.¹² Байер вырос с произведениями Рудбека и сформировался на его идеях, продолжавших свой победный путь вплоть до середины XVIII в. Так, под влиянием Рудбека, им было твердо заучено, что летописные варяги – это скандинавские волки или скандинавы, разбойники, что он и привел в своей напумевшей статье «О варягах» («*De Varagis*»). Идея эта с течением времени претерпела значительную трансформацию, но по-прежнему узнаваема в работах многих современных авторов. Например, согласно М. Фасмеру, в слове «варяг» корень *вар-* происходит от скандинавского *var* – «верность», «поруча», «обет»¹³. Это толкование заимствовано М. Фасмером у А.А. Куника, трактовавшего *waring* (от древнешведского *wara* – обет, присяга) как ратник, соответственно, во множественном числе – как группы ратников¹⁴, что выступает явным переполюсовым вышеозначенного рудбекианского военно-разбойничьего мотива. В русле этой же традиции развивают этимологический анализ термина «варяг» Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, утверждающие, что его первоначальное значение – от *var* (верность, обет, клятва) – «наемник, принесший клятву верности»¹⁵. Этимологии слова «варяг» посвящена работа этих авторов «Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия “варяг”». Остановлюсь на этой работе подробно, поскольку изложенная в ней трактовка объективно оказывается в оппозиции к представляемой здесь концепции. В работе Мельниковой и Петрухина красной нитью проходит мысль о том, что в русских летописях совершенно бесспорны скандинавская этимология значения слова «варяг» как «скандинав на Руси», тот же, кто в этом смеет сомневаться, нарекается «историческим казусом»¹⁶. Но всякому, кто не занимается тенденциозным передергиванием сведений из русских летописей, совершенно очевиден тот факт, что в русских летописях нет никаких прямых указаний на то, что варяги это скандинавы.

После того, как мне удалось установить генетическую связь норманизма с «рудбекианизмом», взращенным фантазией об основоположничестве славян в европейской истории, стало понятным, что приверженцы норманизма, действительно, не нуждаются в доказательствах «скандинавского» происхождения варягов, поскольку для них очевидность тождества варягов и скандинавов покоится на той же основе, на какой покоилась очевидность тождества славян и гипербореев у Рудбека – на глубокой вере. Однако научные концепции требуют аргументированных обоснований, и в упомянутой статье авторами предпринимается попытка «обратиться к критическому рассмотрению происхождения, развития, содержания и функционирования слова “варяг”... в византийских, скандинавских и в первую очередь древнерусских источниках»¹⁷. Приведя несколько летописных фрагментов, авторы заявляют: «Во всех рассмотренных контекстах наименование варяги недвусмысленно применяется к скандинавам»¹⁸. Ни малейшего намека нет об этом в приведенных летописях! Привлекая далее скандинавские и византийские источники, авторы указывают, что очевидным древнескандинавским соответствием слова «варяг» является слово «вэринг» – человек, находящийся на службе в Византии (но не побывавший на Руси) и сообщают, что этот термин впервые был упомянут в скандинавских источниках в связи с исландцем Кольскетгом вскоре после 989 г. Вэрингов из скандинавских источников авторы статьи соотносят с варангами из византийских источников, где этим словом обозначаются военные отряды

в составе императорской гвардии. Но в процессе сопоставлений обнаруживается ряд несовпадений. У византийских историков первое упоминание имени варангов встречается в 1034 г.¹⁹, т.е. более чем на 50 лет позднее упоминания вэрингов в скандинавских источниках. Таким образом, слово «вэринги» фиксируется источниками раньше, чем слово «варанги». Казалось бы, какая тут проблема: констатировать данный факт и выстраивать концепцию, следуя источникам. Так, собственно, и пытались делать раньше. Но оказывается, что согласно модели вэринг – варяг – варанг не удастся доказать скандинавскую этимологию слова «варяг», поскольку, как говорится в статье, тут встречаются сложности фонетического характера. Для того чтобы обойти фонетическое препятствие, хронология отбрасывается авторами как пустяк, и цепочка терминов выстраивается в обратном порядке: варяг – варанг – вэринг. При этом приводятся следующие обоснования: скандинавское слово «варяг» было вызвано к жизни на Руси скандинавскими наемниками, которые прибыли на службу к русскому князю Игорю в 944 г. и решили придумать себе имя *varangar* от *var* (верность, обет, клятва), которое на Руси трансформировалось в «варяг». Почему почти через 90 лет это слово дошло до Византии, сохранив свою «исходную» форму варанг, не объясняется. Зато говорится о том, что высокий социальный статус возвращавшихся на родину из Византии скандинавов актуализировал название «варанг–варяг» в скандинавском обществе, но при этом древнескандинавская форма там трансформировалась и превратилась в «вэринг», поскольку «архаичный и малоупотребительный суффикс *-ang* заменяется продуктивным и близким по смыслу суффиксом *-ing*»²⁰. Не обращая внимания на то, что в их рассуждениях страдает не только хронология, но и элементарный здравый смысл, Мельникова и Петрухин с удовлетворением отмечают, что предложенная ими реконструкция объясняет все несоответствия источников. Полагаю, что за приведенными примерами явно угадывается не столько убедительная научная концепция, сколько попытки приладить источники к исходной догме: варяги – это скандинавы по тому же принципу, как Рудбек прилаживал мифы о гиперборейях к шведской истории.

Но дело в том, что творчество самого Рудбека давно уже получило негативную оценку в шведской историографии, а его имя породило особое понятие «рудбекианизм», которое стало синонимом басноплетства в истории. Как сказал исследователь готицизма Ю. Свеннунг, Олаус Рудбек довел шовинистические причуды фантазии до вершин нелепости²¹. Правда, эти негативные оценки охватывали до сих пор ту часть работы Рудбека, где он пытался доказать основоположничество шведов в создании основ древнегреческой культуры. Рудбековские же «причуды фантазии» относительно древнерусской истории продолжают существовать в исторической науке под академической мантией норманизма.

Концепция, которая в соответствии с источниками, исходно рассматривает варягов как этническую общность или ряд этнических общностей с одним этнонимом, наиболее полно была разработана в работах А.Г. Кузьмина²², а сейчас продолжает разрабатываться в работах его учеников и последователей²³. Концепция исходит из положений о варягах как исконно южнобалтийском населении и о Южной Балтии как родине варягов, а этимология имени варягов толкуется через анализ древнеиндоевропейского значения корня *var-* как вода, водная стихия, что свидетельствует о более древней, дославянской природе варягов.

Доказывая, что варяги – дославянское субстратное южнобалтийское население, Кузьмин рассмотрел все возможные варианты использования этого этнического наименования в источниках и показал, что данный этноним мог менять форму написания (например, варины, варны и др.), эволюционировать во времени и пространстве, переходя из одной языковой среды в другую, но всегда сохранял имяобразующий корень *var-*. В работах Кузьмина показано, что распространение варинов по Европе засвидетельствовано многими примерами из европейской топонимики, куда *var-* входило как основа, свидетельствуя о рассеивании отдельных групп варинов в иноязычной среде – связь этнонимов и топонимов хорошо известна. Кузьмин называет реку Вар и ее притоки на границе Италии и Галлии, реку Вар в Прикарпатье, реку Варту в Польше, старинное название Восточной Пруссии – Вармия и т.д.²⁴ Вместе с бургундами часть варинов осела на территории современной Франции, где от них остался такой топоним как «*Villa Varangus*» в Бургундии. С IV–V вв. варины вместе с англами, саксами, фризами, ругами и ютами участвовали в нападениях на Британские острова. Эта роль варинов привлекла к ним внимание английского историка Т. Шора, и он уделил варинам существенное внимание в своем труде «Происхождение англо-саксонского народа»²⁵.

Эта работа (я познакомилась с ней также благодаря трудам Кузьмина) чрезвычайно интересна как в контексте данной статьи, так и в плане общей оценки норманистской концепции о варягах. Шор был далек от дискуссии норманистов и антинорманистов, его интересовала история всех народов, которые заложили основы Англии, и прежде всего история англо-варягов. Шор рассказывает, что англ-варяги (*the Angles*), начиная с Тацита, всегда упоминались вместе с другим

народом – варинами (the Varini). Шор всегда пишет этноним «варины» с вариантом «вэринги» (Varini or Warings), поскольку такую вариантность он увидел в источниках. Так Шор пишет, что англы должны были находиться с вэрингами или варинами Тацита в тесных союзнических отношениях, причем длительное время. Эти вэринги жили на юго-западном побережье Балтики и, согласно Шору, с ранних времен вели торговлю с Византией. Последнее упоминание о них относится к 1030 г. Варины/вэринги и их страна Варингия (Waringia), были известны в ранних русских источниках. По имени этого народа было названо Вэрингское море. Имя «вэрингов» было известно в Византии. В XI–XII столетиях большей частью из этого народа набиралась византийская императорская гвардия варангов (Varangian guard), в этот же корпус входили лица и староанглийского корня, что было естественно при древности связей между народами. Вэринги с ранних времен были связующим звеном в торговле между Балтикой и различными регионами (dominions), подчиненными греческим императорам. Нестор-летописец упоминал Новгород как город варинов/варангов (Varangian city)²⁶. Я привела пространный отрывок из книги Шора по двум причинам. Во-первых, его работа объективно демонстрирует, что этноним «варины» или летописные варяги (книга Шора явно свидетельствует об их тождестве), адаптируясь к германским языкам, принимает форму «вэринги». Во-вторых, она подкрепляет мой вывод о том, что мифы сознания норманизма живут за счет заимствований из истории других народов: лоскутность вышеприведенной концепции Мельниковой и Петрухина о происхождении слова «варяг» логично объяснима тем, что под свою «скандинавскую» историю они подложили часть истории народа варинов – рудбекианизм в действии!

Но вернусь к основному сюжету статьи. Из вышеприведенного видно, что западноевропейские источники хорошо знают этническую общность, именуемую варинами/варнами/вэрингами, тождество которых с летописными варягами в российской науке было хорошо обосновано Кузьминым. Благодаря этому Кузьмин смог ввести в отечественную науку материал, накопленный при изучении южнобалтийских варинов, и развил на этой основе этимологию имени «варяг», учитывающую, в соответствии с источниками, связь как с гидронимикой, так и с этнонимикой. Собственно варинам/варнам была посвящена значительная литература, прежде всего, немецкоязычная. В ней уделялось большое внимание этимологии имени «варины» и других форм этого этнонима через анализ корня *var-*. Кузьмин приводит, в частности, работы Е. Шварца, В. Штайнхаузера и др. В этих работах, с привлечением более широких исследований по индоевропеистике, было выявлено, что корень *var-* означает «вода», принадлежит к архаичным пластам ряда индоевропейских языков и служит в них для обозначения водных феноменов. В работах крупнейшего индоевропеиста прошлого века Ю. Покорного подобным образом разъясняется этимология придунайского племени варисты²⁷. У В. Штайнхаузера приводится тохарская параллель *var* как «море»²⁸. Известно, что в рамках индоевропейской языковой семьи тохарские языки относятся к отдельной реликтовой группе, многие особенности которой говорят о ее близости к древнеиндоевропейской ветвью языков, от которой они отделились не позже первых веков I тыс. до н.э., мигрировав в Среднюю Азию и Восточный Туркестан, в силу чего, вероятно, и законсервировали очень архаичный лексический слой²⁹. Благодаря консультациям индолога Т.И. Оранской мне удалось уточнить, что в санскрите есть слово *vār/vāri* (вода) (с долгим гласным корня); кроме того *var-* (с кратким «а» в корне) имеется в основе теонима «*varuṇa*» – бога луны и вод, в том числе океанических. Отметила Оранская и наличие в санскрите глагольного корня *vr̥s-* (г – слоговой, s – церебральный, последний можно при желании считать расширителем) – в значении «дождит» и прочим, вытекающим из этого значения комплексом понятий, также связанных с водой.

Выявив этимологию слова варяг от *var-* (вода) из древней индоевропейской традиции, Кузьмин пришел к выводу о том, что варины/варяги – в прямом переводе «народы моря» или «поморяне» – относились к дославянскому и догерманскому населению Южной Балтики. В определенный период они ослабли вместе со многими другими народами данного ареала, а затем были поглощены в лоне немецкой Ливонии. Таким образом, согласно Кузьмину, этноним варины/варяги объясняется как «поморяне», но будучи «географическим обозначением... непосредственно этническую природу этих племен не раскрывает... варяги русских источников – это в узком смысле славянизированные варины, в более широком – племена южного берега Балтики»³⁰.

Рассмотрев основные положения концепции Кузьмина, поясню, что из его теоретического наследия я приняла при разработке моей гипотезы о праиндоевропейском субстрате на севере России, а с чем несогласна. Принципиально важным явилось введение Кузьминым в исследования по древнерусской истории данных индоевропеистики о корне *var-* как древнейшем индоевропейском обозначении воды или водной стихии вообще, в силу чего он и входит как основа в наиболее архаичные гидронимы, такие, например, как Варяжское море. Не менее важным стал

показ родства имени варингов с именем варягов из русских летописей (что перекликается с работой Т. Шора) и показ той известной роли, которую играли варяны в этнической и политической истории Западной Европы.

Но с мыслью Кузьмина о южнобалтийском Поморье как исконной родине варягов я не согласна. В обоснование этого представлю первые результаты моих исследований о варягах Русского Севера и Северного Поволжья. Из этнографического введения ПВЛ, приведенного в начале статьи, видно, что варяги – европейский народ: «Афетово бо и то колено»³¹ и занимают в Европе 2 области: все южнобалтийское побережье с востока на запад до земель англов, т.е. до Южной Ютландии³², от восточной оконечности Балтийского моря до границы Европы и Азии, т.е. до Поволжья и Предуралья.

Относительно расселения варягов по южнобалтийскому побережью написано уже немало. Представленные выше работы Кузьмина продолжают традицию В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.А. Геденова. В наше время большой вклад в разработку варяжской проблематики, а также в развитие вопроса о многовековых связях Северо-Западной Руси с южнобалтийскими славянами внесли работы М.Н. Тихомирова, А.Н. Сахарова, С.Н. Азбелева, В.Л. Янина, В.Б. Вилинбахова, В.В. Фомина и др.³³ Об обширном ареале расселения варягов в Восточной Европе никаких концепций в науке не предлагалось, поскольку локализация «варягов к востоку от чуди “до предела Симова” обычно воспринималась как недоразумение, как свидетельство нечетких представлений летописца»³⁴. Кузьмин полагал, что «варяги, локализуемые между чудью и “Симовым пределом”, это города и земли, занятые в свое время мужами Рюрика»³⁵.

В чем же здесь дело и на основании чего летописца в очередной раз обвиняют в некомпетентности? Основанием для подобных обвинений служит созданная в науке и общепризнанная сейчас этническая картина Восточной Европы в древности, согласно которой варягам не положено было находиться там, куда их помещал летописец. Данная общепризнанность покоится на сложившемся некогда убеждении, что древнейшей, этнически верифицируемой языковой общностью северных и центральных областей Восточной Европы являлись народы уральской языковой семьи, т.е. носители финно-угорских и самодийских языков, мигрировавших со своей прародины близ Северного Урала в пределы Восточной Европы не позднее эпохи неолита (с рубежа IV и III тыс. до н.э.)³⁶. Наука совершенно уверена в том, что: «тысячелетиями финны прочно удерживали за собой некогда освоенные территории от Урала до Ботнического залива»³⁷. Соседями финно-угорской общности с юга (их размещают в южных регионах Восточной Европы) выступали носители индоевропейской языковой общности: индоиранцы (арии) где-то с III тыс. до н.э., затем с начала II тыс. до н.э. – представители так называемого древнеевропейского единства, характеризуемого как нерасчлененная славяно-балто-германская общность, из которой в I тыс. до н.э. выделяются носители балтских языков, которые в Подвинье, Поднепровье и Поочье становятся непосредственными соседями финно-угорского мира»³⁸.

Не углубляясь далее в эти сюжеты, отмечу что представленная картина «отсекает» от русской истории всю Восточную Европу, начиная с древности и вплоть до второй половины I тыс. н.э., т.е. до расселения в этих пределах восточноевропейского славянства, которое единственно связывается с генезисом русской истории. Естественно, варягам, как они трактуются в современной науке, на этой картине нет места до конца I тыс. н.э.

Многое из вышеприведенных научных концепций по этнической истории Восточной Европы в древности вызвало мои сомнения. Во-первых, согласно имеющимся данным, носители финно-угорских и индоевропейских языков (индоиранских, затем балтских) жили бок о бок друг с другом на протяжении почти 4 тыс. лет, не смешиваясь и только с расселением в лоне обоих этнокультурных массивов восточноевропейского славянства, т.е. с VII–X вв., началось взаимопроникновение индоевропейского и финно-угорского миров друг в друга и формирование полиэтнической общности в рамках Восточной Европы. При всем уважении к гигантской работе, проделанной археологами и лингвистами, подобная реконструкция прошлого Восточной Европы в древности представляется нежизненной. Во-вторых, сам процесс взаимодействия финно-угров и славян выглядит странно, если отметить бытующий в науке взгляд на мирный, бесконфликтный характер славянского расселения на землях, занятых финноязычными народами. При этом с одной стороны отмечается, что «финское население при продвижении на территорию их расселения славян постепенно отступало на свободные и окраинные земли без каких-либо столкновений»³⁹, а с другой, что пришлые славяне проявляли полную готовность «к восприятию местных названий рек, образов духовной и элементов материальной культуры», что сопровождалось, в свою очередь, «неуклонной тенденцией к поглощению и культурной ассимиляции финского населения, к постепенному забвению многих самобытных черт автохтонов»⁴⁰.

Что-то очень важное, какой-то существенный компонент выпал из поля зрения нашей науки, оттого и не воссоздается живое историческое полотно древнего прошлого нашей страны, и этноисторическая картина России в древности выглядит явно схематизированной и оскудевшей. В своих размышлениях над данными вопросами я исхожу из того, что ошибся, возможно, не летописец, а современная наука, т.е. что ПВЛ правильно освещает картину одновременного расселения варягов в двух областях: на южнобалтийском побережье и в Восточной Европе. Но как и когда они расселились на этих довольно обширных территориях? И как шло расселение, т.е. какая территория была для них исконнее? За точку отсчета в своих рассуждениях я приняла данные об этнообразующем корне *вар-* как древнейшем индоевропейском обозначении для водной стихии. И здесь сразу хотелось бы обратить внимание на то, что *вар-* как основа в значении «вода», «море» сохранилась не во всех индоевропейских языках, а только у более архаичных представителей этой языковой семьи: от санскрита и тохарского до иллирийских и кельтских языков, оставив реликтовые гидронимы и связанные с ними этнонимы в областях распространения этих языков. Сохранился корень *вар-* и в древнем слое русского языка, также образовав этноним и гидроним. Напомню, что одним из важнейших выводов Кузьмина при исследовании древнеиндоевропейского корня *вар-* был вывод о дославянском и догерманском происхождении образованной на его основе топонимии и этнонимии.

Но тогда дославянским может быть и происхождение гидронима Варяжское море. А исходя из этого, логично предположить, что часть носителей русского языка в какой-то древний период, оставаясь в лоне индоевропейских языков, не входили в состав славянской группы языков, а имели контакт с носителями более древних индоевропейских языков, конкретно, учитывая сохранность *вар-* в санскрите и тохарском, с языками индоиранцев (ариев) до их расселения с восточноевропейской прародины⁴¹. Имя этих пращуров в современной науке утеряно. ПВЛ называет их варягами. Другим убедительным образом объяснить наличие в древнерусской традиции гидронима Варяжское море и этнонима варяги невозможно, поскольку оно никак не может быть объяснено посредничеством носителей финно-угорских языков, сохранивших *вар-* до прихода славян, благодаря чему оно вошло в русский язык. В качестве пояснения скажу, что у саамов Севера, например, название Варангер-фьорда существует в форме Варьяг-вуода⁴², т.е. является явным заимствованием из русского, а не наоборот. Кроме того, море в современном саамском языке – мьерр, миарр, мер, мерр⁴³ – тоже заимствовано от индоевропейского *море/mare*. Индоевропейское «море» вошло и в другие финские языки как *meri*⁴⁴.

Но идея о дославянском слое в древнерусском языке также наталкивается на существенное препятствие – на господствующее в науке убеждение о том, что древнерусский и славянский языки – синонимы. Однако так ли уж научно безупречна эта мысль и так ли уж невероятна идея о двухслойности древнерусского языка? Например, сегодня понятия *English language* и *British language* используются как синонимы, но вряд ли кому-нибудь покажется абсурдным утверждение о том, что *British language* имел в истории своего развития догерманский период. У Константина Багрянородного приводятся 2 ряда наименований для днепровских порогов – «славянские» и «русские», из чего явствует, что еще в середине X в. русский язык и славянский язык не были идентичны. М.Ю. Брайчевский, например, обосновывал скифо-сарматскую этимологию русских названий порогов с конкретными аналогиями из осетинского языка, т.е. дославянское восточноевропейское происхождение части русских топонимов⁴⁵. О связи имени «русь» и индоарийского субстрата в Северном Причерноморье писал О.Н. Трубачев⁴⁶.

Напомню еще раз выводы Кузьмина о южнобалтийских дославянских племенах, явившихся субстратом для славян, но очень долго сохранявших свои языковые особенности: «В XVI в. известный географ Меркатор записал, что язык рутенов с острова Рюген был “славенский, да виндальский”, т.е. они какое-то время были двуязычными»⁴⁷. Этот пример хорошо иллюстрирует наличие дославянского индоевропейского субстрата на южнобалтийском побережье, на который накладывались славянские языки при расселении там славянских народов. Почему же совершенно невероятным должно казаться предположение о наличии древнеиндоевропейской субстратной языковой среды, в лоне которой расселялось восточноевропейское славянство? Только потому, что наука потеряла его носителей, особенно на севере Восточной Европы? Но так уж непоколебима аргументация в рамках господствующих концепций?

Общеизвестна многолетняя дискуссия об особенностях древненовгородского и древнепсковского диалектов, не встречаемых в других восточнославянских языках, но находящихся соответствия на южнобалтийском побережье. Для ряда ученых это стало подтверждением гипотезы о влиянии южнобалтийских славян на этногенез и культурогенез древней новгородчины (В.Б. Вилинбахов, В.В. Седов и др.). Но все особенности древненовгородского диалекта не разъяснялись на основе параллелей с южнобалтийскими славянскими языками. Крупнейший

российский специалист в области исследования берестяных грамот А.А. Зализняк пришел к выводу о том, что истоки архаики новгородско-псковского диалекта должны отыскиваться на праславянском уровне⁴⁸. Однако и этот важный вывод о северных диалектах древнерусского языка как более сложном феномене, чем это предполагалось ранее, не решает всех проблем. Зализняк называет такую особенность древне-новгородского диалекта как окончание *-e* в и. ед. муж. представленное в новгородских-псковских памятниках. Рассматривая основные веки более чем столетней дискуссии славистов о происхождении древне-новгородской формы на *-e*, Зализняк называет гипотезу В.В. Иванова, который предположил, что «др[евне]-новг[ородские] формы на *-e* восходят к праиндоевропейскому *casus indefinitus*, следы которого сохранились в хеттском, тохарском и некоторых других языках. Существенная трудность, – замечает при этом Зализняк, – состоит в том, что «необходимо признать сохранение праиндоевропейского архаизма лишь в одной узкой ветви славянских языков»⁴⁹. Трудность эта, действительно, непреодолима, но только в том случае, если рассматривать древне-новгородский диалект как узкую ветвь славянских языков. Однако если предположить, что часть индоевропейских носителей древнерусского языка существовала на севере Восточной Европы в период, хронологически совпадающий с присутствием в Восточной Европе индоиранских языков, и явилась субстратной языковой средой для восточноевропейского славянства, то следы праиндоевропейского *casus indefinitus* в древне-новгородском диалекте получают свое логичное и естественное объяснение. Вопрос о праиндоевропейском языке в центре и на севере Восточной Европы не совсем неизвестен в науке. Помимо упомянутой Зализняком гипотезы Иванова, необходимо напомнить, что Б.А. Серебренников высказывал предположение о том, что в районе Волго-Клязьминского междуречья до появления в этих местах славян наличествовал какой-то реликтовый индоевропейский язык⁵⁰. Г.М. Керт и Н.Н. Мамонтова, ссылаясь на работы лингвистов А. Соболевского и А. Матвеева, писали о родстве гидронимов Кемь, широко распространенных в Карелии, на Беломорье, а также в Сибири и на Алтае, с древнеиндийским «кам» (вода)⁵¹.

Вышеуказанные рассуждения поставили меня перед необходимостью ответить на вопрос о том, как мое предположение о наличии носителей древнего индоевропейского языка – варягов – увязывается с финно-угорским миром северных и центральных областей Восточной Европы. Понятно, что в рамках статьи ответить на вопрос такого масштаба можно только эскизно. Представляется, что картина гомогенного финно-угорского мира на севере Восточной Европы в древность, существующая в науке, является искусственной и не раскрывающей полностью живой ход исторического процесса. Полагаю, что носители индоевропейских языков распространились среди палеоевропейского населения Восточной Европы еще до миграций сюда народов уральской языковой семьи. Тогда можно предположить, что различные финно-угорские народы, волна за волной, расселялись уже среди этого субстрата, что и обеспечило этническое многообразие этих народов в Восточной Европе, а также их форму национальных меньшинств. Среди этого реликтового индоевропейского субстрата должны были происходить и вторичные («возвратные») миграции разных индоевропейских групп: протобалтов с запада, ираноязычных племен с юга. В этой полиэтничной среде, образованной симбиозом реликтовых индоевропейцев и урало-алтайских народов, расселялись позднее и восточноевропейские славяне.

Во избежание недоразумения, подчеркну, что я не веду здесь речь об индоевропейской прародине, поскольку в науке пока не выработано единой концепции о локализации прародины индоевропейцев. Но ученые согласны с тем, что индоевропейцы (индоиранцы или арии) присутствовали в Восточной Европе в III тыс. до н.э., что я и принимаю за отправную хронологическую точку и перехожу к представлению того материала, который мне удалось собрать для рабочей гипотезы о варягах Восточной Европы.

Как уже упоминалось, при реконструкции древней дописьменной истории ученые обратили внимание на то, что определенные указания на языки, бытовавшие в данной области в древности, содержит топонимия, поскольку такие феномены как отдельные гидронимы или оронимы обладают удивительным консерватизмом. «Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре», – написал один из русских исследователей XIX в. Н.И. Надеждин⁵². Однако расшифровывая эту географическую номенклатуру, современная наука не принимает в расчет особенностей мифопоэтического мышления первобытного общества и его отношения к природе как земле своих или чужих предков, что проявлялось в наречении именами природных феноменов. Если пришельцы усваивали топонимы, уже бывшие до них, то в этом следует видеть и идеологический аспект, в частности, принятие местных культов предков, местной сакральной традиции. И наоборот, если пришельцы утверждали свои феномены культуры (топонимы, этнополитонимы и проч.), то это отражало процесс внедрения новых ценностей «пришлой» сакральной системы. Показателен в этом смысле феномен, отмеченный исследова-

телями в области этнологии при изучении африканского материала о ритуалах перехода небольшого поселения на новое место как примере акта пространственного перемещения первичного социума. В этом акте важнейшее место занимает так называемое сакральное освоение нового места жительства, в рамках которого «устанавливается» контакт с предками людей, жившими некогда в этих местах, а затем воссоздается и новый ритуальный центр для общения с предками данного социума⁵³. Если спроецировать приведенные суждения на названные летописью 2 области, связанные с именем летописных варягов, можно отметить следующее. Присутствие летописных варягов на южнобалтийском побережье верифицируется наличием топонимов, содержащих корень *вар-*, но количество их не так уж велико. Область же варягов «до предела Симова», особенно северные области Восточной Европы, буквально пестрит топонимами с основой на *вар-*, при этом заметное количество из них принадлежит гидронимам, которые обладают особой способностью сохранять глубоко архаичные названия⁵⁴. По моим наблюдениям, наиболее плотное скопление гидронимов с корнем *вар-* очерчивает определенную территорию на севере Восточной Европы, а именно север Вологодской обл., Архангельскую и Мурманскую области, т.е. Северное Поморье, что сразу же возвращает к мыслям Кузьмина о варягах как «поморянах». Но Кузьмин полагал, что варины/варяги – это только географические обозначения жителей приречной или приморской полосы. Однако мы видим, что и Северное Поморье или земля поморов, и Балтийское Поморье или Померания в немецкоязычной традиции – это название конкретных исторических областей и этнических общностей. Балтийское Поморье – это полития, существовавшая в течение нескольких столетий в исторически верифицируемое время, в память о чем долго сохранялся титул ее правителей – сначала князей, а потом герцогов Поморских. Последний мужской отпрыск этого старейшего герцогского дома Поморья Богуслав XIV скончался в 1937 г.⁵⁵ Тогда можно предположить, что был в истории этих областей тот момент, когда название «Поморье» с основой *мор-/mare* скрыло или оттеснило здесь архаичные топонимы с более древней индоевропейской основой *вар-*, служившие до этого для обозначения водных феноменов. На Балтийском Поморье топонимы с основой *вар-* (река Варна, область Вармия) стали соседствовать с такими топонимами как Поморье/Померания и *Mare Balticum*. Сохранились здесь и этнонимы, производные от *вар-*. Кроме варнов и варинов хочется напомнить, что немецкий гуманист С. Мюнстер (1488–1552 гг.) отмечал, что народ вагров (во времена Мюнстера Вагрия входила как историческая область в герцогство Гольштейнское) носил также имя варягов (*aus den Folckern Wagrii oder Waregi genannt, deren Hauptstatt war Lübeck*)⁵⁶. Но вот поморы как общий надлокальный этноним, насколько мне известно, на Балтике не сложился. Жителей в области балтийского Поморья называли не поморами, а вендами⁵⁷. Поморы как особое имя, практически эквивалентное этнониму, известно только на Русском Севере. Было ли у поморов Русского Севера более древнее имя, которое погрузилось на дно времени? Посмотрим, что нам даст анализ топоними Северного Поморья и других северных областей Восточной Европы.

Начну с самой западной точки области, окаймленной гидронимами с корнем *вар-*. Это известный Варангер-фьорд (*Varangerfjord*)/Варяжский залив/Варенгская губа в Баренцевом море. Большая часть этого залива находится на территории Норвегии⁵⁸. Идя к востоку от него, можно назвать реку Варз в бывшем Мурманском уезде Архангельской губ., реку Варзугу там же, реку Варзугу в бывшем Пинежском уезде Архангельской губ., реку Варзенка в бывшем Сольвычегодском уезде Архангельской губ., озеро Вара в бывшей Олонецкой губ., реку Варду в Пинежском уезде Архангельской губ., реку Вариду в бывшем Вельском уезде Вологодской губ., реку Варжу в бывшем Усть-Сысольском уезде Вологодской губ.⁵⁹ В книге А. Орлова отмечены гидронимы с интересующим нас корнем *вар-* не только на Севере, но и в Новгородской губ., а так же в бассейне Оки. Он сообщает, что с запада в озеро Ильмень впадает река Варенга (Варяжа). В Гороховецком уезде есть озеро Варяжское. Существуют две речки Варенги, впадающие в Северную Двину с правой стороны в Шенкурском уезде: Верхняя Варенга и Нижняя Варенга (Варяга, Варяжа). Этот автор зафиксировал также такой вариант названия Варангер-фьорда как Варяга⁶⁰.

Как толкуются гидронимы Русского Севера с корнем *вар-* в современных топонимических исследованиях? Исходим из финно-угорских языков, поскольку «общепризнано, что... субстратная топонимия Русского Севера принадлежит финно-угорскому языковому континууму»⁶¹, где исходным языковым слоем считается саамский⁶². Посмотрим, что получается при анализе интересующих нас гидронимов Русского Севера с корнем *вар-*, исходя из аксиомы об их финно-угорском происхождении.

Начнем рассмотрение с самого западного гидронима Варангер-фьорд. Это тем более показательно, что его норвежская часть также находится на исконно саамской территории – в фюльке (области) Финмарк. В одной из последних публикаций по этому вопросу – краеведческой энциклопедии «Печенга» – находим следующее разъяснение со ссылкой на работу председателя Топо-

нимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР Е.М. Поспелова: «Варангер-фьорд... Название из древненорв[ежского] “ver” – ловля и “angr” – залив... Фонетическая близость к исходной форме “Verangr” русского этнонима “варяг” (из древнесканд[инавского] “Varingr”, “voeringr” – “союзники”) обусловила переосмысление поморами названия фьорда в Варяжский залив, в XVI в. в Варенгская губа»⁶³. При всем уважении к заслуженному автору, данная справка не выдерживает никакой критики. Даже на древнем норвежском языке вряд ли стали бы к уже оформленному топониму Варангер, что якобы означает «Ловчий залив», добавлять еще «фьорд», что тоже значит «залив» – получается некая калька с норвежского на норвежский. Кузьмин напоминает, что Варангер-фьорд был сначала не в чести у норманистов, хотя со временем в норманистской литературе и стала допускаться связь этого топонима с варягами⁶⁴. Для примера сошлюсь на статью Мельниковой и Петрухина, где Варангер-фьорд упоминается в связи с попытками определить исходную форму для слова «варяг» и предложением Г. Якобссона считать за исходную *wārangr*, которая, по его мнению, отразилась в названии Варангер-фьорд⁶⁵. Только как у авторов статьи, так и у Г. Якобссона основой слова варангер является *var* (верность, обет, клятва). Получается, что в норманистских «этимологиях» бытует изрядный разнобой. Идея расчленения топонима «Варангер» на *ver-* и *anger-*, принадлежала еще А. Кунику и была явно призвана для спасения его же толкования «waring» как «ратник». При этом творец идеи не задавался вопросом, кого ловили в «Ловчем» заливе норвежские «ратники» или «наемники, принесшие клятву верности»? Здесь уместно напомнить, что постепенное освоение норвежской короной и норвежскими поселенцами Финмаркена и других северных областей Скандинавского полуострова относилось к более позднему периоду, чем викингская эпоха (IX–XI вв.). Следовательно, если верить тому, что Варангер-фьорд получил имя от древних норвежцев, то они должны были регулярно совершать сюда морские экспедиции с юга, сопряженные с огромными трудностями и затратами. Зачем? Для лова рыбы? Но ее вполне хватало и в Атлантике. Таким образом, Варангер-фьорд от *ver-* (лов) – это типичная «народная» этимология, хоть и рожденная в академических кругах. Не менее нелепо предположение о «переосмыслении» поморами названия «Ловчего фьорда» в Варяжский залив. На севере поморы, саамы, норвежцы жили бок о бок друг с другом на протяжении многих столетий, имели постоянные контакты, в результате чего развился даже особый язык общения – руссенорск. Поэтому с какой стати было поморам вдруг вспоминать о варягах в связи с названием фьорда, если для этого не было реальных оснований? Примеры саамского Варья-вуода (форма *varjag* сохранилась также в саамском названии полуострова Варангер как *Varjag-Njargga*) и пример из С. Мюнстера, писавшего «Wagrii oder Waregi», явно свидетельствуют о том, что Варяжский залив/Варяга первичны относительно *Varangerfjord*. Однако вышеприведенная выдержка из краеведческой энциклопедии лишний раз подтверждает идею В.В. Фомина о псевдоантинорманизме в советской исторической науке, в результате чего сложившаяся на рубеже 1980–1990-х гг. ситуация в науке «логично привела к возрождению в ней норманизма в той его крайности, от которого под воздействием критики оппонентов и прежде всего С.А. Геденова отказались в свое время профессионалы высочайшего класса – историки и лингвисты, представлявшие собой цвет российской и европейской науки»⁶⁶.

Но для данной статьи в рассуждениях об этимологии Варангер-фьорда интересен другой аспект, а именно то, что саамский субстрат в них совершенно отсутствует. Получается так, что в названии одного из крупнейших северных гидронимов ученые смогли выделить только индоевропейские языковые пласты – поморский и, согласно норманистам, старонорвежский, хотя известно, что саамы издревле занимались здесь ловом морского зверя, а если верить другому распространенному в науке взгляду, то именно хозяйственная деятельность являлась первичным побудительным мотивом для создания человеком топонимов. Более того, саамское название «Варьяг-вуода» явно заимствовано из поморской традиции. Таким образом, в Варангер-фьорде «тонут» общепринятые концептуальные подходы: его название совершенно выпадает из ареала финской гидронимии.

Посмотрим, как обстоит дело с другими крупными гидронимами, содержащими корень *var-*. В северной топонимике имеется много топонимов, происхождение которых не может быть объяснено из финно-угорских языков. Крупнейший российский исследователь саамского языка Г.М. Керт пришел к выводу о том, что значительный процент топонимии восточноевропейского Севера не этимологизируется из саамского языка (и из финно-угорских языков вообще) и высказывает предположение, что часть из них – наследие каменного века⁶⁷. Интересная мысль, которая напоминает нам о том, что Восточная Европа не была незаселенной пустыней до миграций сюда носителей уральских языков. Люди там жили, и вопрос только в том, следует ли их относить к этнически неverifiedируемому палеоевропейскому населению, или все-таки их верификация возможна через индоевропейские языки.

Керт и Н. Мамонтова в книге о топонимии Карелии пишут, что она – «сплав различных в хронологическом и языковом отношении пластов. Зона распространения самого древнего пласта довольно обширна, собственно, четко очерченные границы ее установить трудно. Этот пласт отличается от других тем, что пока невозможно выяснить значение составляющих его топонимов, исходя из данных известных языков. Около 2500 лет до н.э. ... началось движение в Карелию племен из Волго-Окского бассейна... Трудно сказать, на каком языке говорили те, от кого остались неясные для нас названия. Не исключено, что эти загадочные топонимы так и останутся неразгаданными»⁶⁸. Позволю себе еще раз заметить: а со всеми ли известными языками проводили сравнительный анализ вышеупомянутой топонимики? Разве так уж невероятно, что они могут восходить к праиндоевропейским языкам? Например, в работе В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева я обратила внимание на примеры, связанные с определением северной границы распространения иранских гидронимов. Эта граница, со ссылкой на Фасмера, проводится в пределах бывших Курской и Орловской губерний: Апака, приток Сейма (ср. с др.-иранск. арака, др.-перс. и авест. ар-вода). Параллели с древне-прусским – аре- (река), лит. уре – река, что отразилось в гидронимах Вопь/Опь⁶⁹. Но в саамском языке для обозначения океана или открытого моря используется очень созвучное слово «Аппь-миарр»⁷⁰. Аппь-миарр, похоже, является калькой древнерусского Окиян-Море, где миерр. миарр, мер, мерр от море/mare. А как быть с *аппь-*, которое в данной паре должно означать «океан»? Есть ли тут параллель с авестийским *ар-* (вода)? Тогда какой языковой слой сыграл здесь посредническую роль переносчика от авестийского в саамский? Жаль, что лингвисты, связанные существующей концепцией этнических контактов в древности, проходят мимо таких лингвистических фактов. Приведу еще один, достаточно любопытный пример. Правда, он имеет отношение к антропонимике, но антропонимы также хранят архаичные пласты языковой традиции. Пример связан с фамилией Г.М. Керта. Этимологию этой фамилии стремятся вывести из эстонского, где сохранились антропонимы и даже топонимы соответствующего звучания и написания: Kert, Kõrt, Kärt. Круг возможных значений оказывается достаточно широк: от «горностая» до «карги, конного фуража, юбки» и проч.⁷¹ Но в одной из работ о древних божествах солнечного культа я обратила внимание на варианты написания теонима «Хорс» вкуче со следующими рассуждениями: «Древнерусский Хорс или Хрос имеет сходство, а может быть вполне тождествен с Вацерадовым, Къртом, дедом Радигоста (Радагаста), хорутанским “K’rt’ – ом»⁷². Так что фамилия Керт может быть связана с древними индоевропейскими соляными теонимами и, соответственно, с индоевропейским субстратом на севере Восточной Европы. В развитие этой мысли продолжу рассмотрение северных топонимов, содержащих корень *вар-*.

На Севере есть географические объекты, в обозначениях которых присутствует *вар-* как часть лексемы в многокомпонентных топонимах. Например, на картах и в грамотах XVI–XVII вв. упоминаются река Кие-варака, впадающая в Кольский залив у тони (части залива), с таким же названием Кие-варака. В книге А.А. Минкина о топонимии Кольского полуострова разъясняется, что слово «варака» означает скалу или гору у русских (не выделяя, что это слово поморское, согласно словарю В. Даля) и происходит от саамского «варрь», «варрэ», «варь» с уменьшительной формой «варенч», «варай», «варыш»; у финнов это же слово существует в форме «ваара»⁷³. Я отобрала из монографии Минкина несколько топонимов, которые содержат поморскую «варака» и саамские «варь», «варрэ», «варенч». Это сопка Пораваракой, где первый компонент, согласно автору, саамский и означает «овод», а второй – вариант поморской «вараки». Далее, на берегу реки Чун указана сопка Куайвесьварь, название которой Минкин переводит как «Варака, где олени копали ягель из-под снега», где компонент «варь» принадлежит саамскому языку. На левом берегу реки Туломы есть гора Соколя варака – русское название с сохранением поморского обозначения для второй части топонима. Около Кислой губы озера Имандра стоит гора Лайтратенваренч, название которой у Минкина звучит как «Гора, где делали доски для лодок». На берегу губы Кислой озера Большая Имандра стоит гора Пяссваренч, что толкуется с саамского как «Березовая варака». У подножия этой вараки в реку Курковую впадает ручей Пяссварьвуой, который переводится на русский язык как «ручей Берестяной вараки» или «ручей Березовой вараки». Из приведенных примеров видно, что поморская «варака» и саамские «варь/варенч» на равных участвуют в образовании топонимов, относимых к саамскому языку. Любопытно, что это «равенство» касается и топонимов, в которых отразились саамские языческие верования. Так, у Колвицкого озера есть гора Гангас-варака, название которой толкуют от саамского «ганги/ганы» (носители колдовских чар из саамской мифологии). В системе реки Уры есть две горы с названием Кеттель-варака, которые, согласно Минкину, образованы от саамского слова «Куэттиелле» (домовой)⁷⁴.

Смущает здесь следующий момент. В системе мифопоэтического мышления, как известно, к основным сакральным объектам относятся водные феномены и горы. Гора (или исток реки)

как центр своего организованного пространства, соотносится с верхним миром, а вода – с нижним миром. И все в совокупности составляет сакральное пространство определенной этнической общности, где единство системы маркируется единством имени для оронима, гидронима, ойконима. Традиция эта передается из поколения в поколение, что и объясняет устойчивость и архаичность топонимики отдельных мест. В соответствии с логикой данной традиции можно предположить, что использование поморского «варака» в саамских топонимах говорит о том, что слово «варака» должно было быть более древним, первичным по отношению к саамскому языку, иначе его присутствие сложно объяснить в означенном топонимическом комплексе.

В саамской традиции слово «варрь» означает «лесная гора, лес», а «варака» у поморов (словарь Даля) – «крутой каменистый берег, береговая скала», т.е. горный элемент ландшафта, существующий в симбиозе с водной стихией. Это очень важный нюанс, поскольку для первобытного сознания ландшафт был одушевлен и соотносился отдельными своими частями с различными параметрами мира. Отсюда и детальное распределение по разрядам различных типов ландшафта в традиционной культуре разных народов. Так, специалистами отмечается, что, например, в саамском языке ландшафт характеризуется очень детально и тонко, в частности, горы, и приводится около десятка наименований для определения гор, пригорков, круч, обрывов и проч.⁷⁵

Приведенные выше саамские оронимы Кольского полуострова «привязаны» к водной среде: Куайвесьварь на берегу р. Чун, Лайтратенваренч около Кислой губы оз. Имандра, там же и Пяссваренч, Гангас-варака у Колвицкого озера, Кеттель-варака в системе р. Уры (можно привести больше примеров, но и эти вполне представительны). Разумеется, на основе этих примеров сложно делать какие-то обобщающие выводы. Но вопрос тем не менее напрашивается. Действительно ли поморское слово «варака» (каменистый берег) является производным от финно-угорского «ваара» (гора) и его аналогов? Нет ли здесь простого созвучия между «ваара» – одним из названий для горы в уральской языковой среде и «варака», восходящего к индоевропейскому «вар», связанному с водной стихией, и сохранившегося в поморской языковой традиции как след дославянского праиндоевропейского периода в истории поморов? В процессе длительного взаимодействия носителей этих языковых семей могли создаться сходные по созвучию и близкие по семантике, но различные по этимологии группы терминов для обозначения ландшафта, где каждой группе отводилась особая роль в системе традиционного мировоззрения. Следовательно, саамские «варенч», «варь», обозначающие горы, связанные с водной стихией, и тождественные поморскому «варака» (крутому каменистому берегу), могут составлять особую группу саамских оронимов, заимствованных из древней индоевропейской языковой традиции также, как и вышеприведенный гидроним Варьяг-вуода – традиции, где водной стихии отводится особое, доминирующее место. А другая часть сходных оронимов типа «варрз, варра» может быть действительно связана с «сухопутной» уральской языковой средой и быть сродни финскому и карельскому «ваара».

Пытаясь разобраться в генезисе гидронимии с корнем *вар-* на севере Восточной Европы, я обратила внимание на то, что данной группе гидронимов противостоит аналогичная группа с корнем *вар-* в центральной части Восточной Европы, как бы отмечая южную границу этой территории. Столь важный для меня материал я обнаружила в уже упоминавшейся работе В.Н. Топорова и О.А. Трубачева, посвященной лингвистическому анализу гидронимов Верхнего Поднепровья. Основную задачу этой работы авторы видели в том, чтобы на основе лингвистического анализа топонимических данных реконструировать картину этнических контактов в древний период восточноевропейской истории. «В тех случаях, – подчеркивали авторы, – когда интересы исследователя сосредоточены на древнейших периодах, целесообразнее выделить ту часть топонимии, которая представляет названия вод, поскольку эти названия, как известно, обладают наибольшей устойчивостью»⁷⁶. Материал, представленный в указанной работе Топорова и Трубачева, позволяет обнаружить, что южная граница более плотного распространения гидронимов с корнем *вар-* в восточноевропейской гидронимии проходит в Верхнем Поднепровье. По жребию судьбы, это балтийский гидронимический ареал. Согласно выводам Топорова и Трубачева, приводимые ниже гидронимы с корнем *вар-* (как вариант *вор-*) относятся к балтийским названиям. Авторы не сравнивали корень *вар-* в данных гидронимах с древнеиндоевропейским *вар-* и его значением воды, но их этимологическая связь с водной стихией прослежена через древнепрусскую, литовскую, латышскую языковые традиции.

Вот примеры интересующих нас гидронимов с корнем *вар-*: р. Варезжа (варианты – Вережка, Варка, бассейн Днепра; Варик, бассейн Десны), ср. с жемайтским Вара, с литовским Vаре, Varene и др., с древнепрусским Wore, Woria и особенно Woricke, Worken; р. Варлынка – бассейн Березины, ср. Ворлинка, Ворлянка на Друти, из балтийских ср. Varlinis река, Варлупя, древнепрусский Worlyne), ср. литовский varle – лягушка; р. Варсоха, бассейн Днепра (варианты Вор-

соха, Ворсиха), ср. с балтийским *vers, versm* (источник), отраженное в гидронимии – Версмуля; р. Варя – бассейн Десны⁷⁷.

В этой же работе приводится еще немалое количество гидронимов с корневым *вор-*, некоторые из которых напрямую рассматриваются как варианты с вышеприведенными гидронимами с корнем *вар-*, часть – через свои аналоги в литовской и прусской гидронимии. Вот часть из них; р. Вора, бассейн Десны (варианты Воронок, Варик, Варка); р. Воржанка, бассейн Ипути (вариант Вержа); р. Воркынец, бассейн Сейма, из балтийских *Varkunas*, ср. Варик, Варка (выше); р. Ворлинка, бассейн Днепра (варианты Ворлянка, Орлянка, см. Варлынка); р. Ворминка, бассейн Ипути, Сожи (вариант Вормина), ср. древнепрусский *Wormen* или *wormuan* (красный) (Геруллис, Арг. ON, 208), жемайтский Вормя, Вормяны (Спрогис, 62), см. также Веремейка. В центрально-европейской гидронимии отмечены случаи с корнем *uer-m-* (*Waremme, Werna, Viemme < Vermia* 1242 г. в Бельгии), которому приписывают значение «течь» (см. Карнуа, RJO nom.8, 1956, 105); р. Ворodka, бассейн Десны (вариант Воровуха), ср. древнепрусский *Wardo*, литовский *Varduva*, Вардава (Спрогис, 35–36); р. Ворожейка, бассейн Днепра, ср. Вержа, Воржанка; р. Ворок, бассейн Березины (см. Буга, TiZ, I, 1923, 42, а также выше – Варик, Варка, Вора); Воролочи, болото между истоками Птичи, Лоши и Немана, из балтийских *Varlakiai* от *varle* (лягушка) (Буга, TiZ, I, 1923, 42)⁷⁸. К гидронимам с корнем *вар-/вор-* можно было бы добавить еще ряд гидронимов с корнем *вер-*, которые рассматриваются авторами как семантически родственные первым, но я опускаю их и отсылаю к работе⁷⁹.

Как уже отмечено выше, исследуя гидронимы Верхнего Поднепровья, Топоров и Трубачев исходили из факта соответствий корню *вар-* в литовском, латышском или древнепрусском языках, не привлекая к сравнительному анализу более древние индоевропейские языковые пласты, например санскрит. Ведь согласно общепринятому взгляду, древнее балтское население проникло в Восточную Европу в I тыс. до н.э. с запада, вклинившись в финно-угорский массив в лесной зоне Восточной Европы. Но в рамках этой концепции не находит объяснения такой известный в науке феномен как сходство между литовским языком и санскритом. Если литовский язык и санскрит рассматривать как лингвистические полюса, между которыми располагаются все индоевропейские языки, то между ними надо разместить и субстратную древнюю индоевропейскую языковую среду, которая обусловила усвоение балтами (предками литовцев) архаичной индоевропейской лексики в период их расселения в Восточной Европе, прежде всего в форме прежних названий рек, для которых часть аналогов может найтись в санскрите. Но так вопрос до сих пор не ставился. Вернее, он ставился (см. приведенные выше точки зрения В.А. Серебrenникова и В.В. Иванова), но не получил должного развития.

В начале статьи я высказала предположение, что носители уральской языковой семьи расселились в Восточной Европе среди праиндоевропейского населения, следовательно, спецификой этногенеза восточноевропейских регионов является его исходная полиэтничность, т.е. здесь с очень глубокой древности проживали носители и праиндоевропейского языка, и уральской семьи языков. Подтверждением этому могут служить свидетельства археологии по району верхнего Прикамья и Приуралья – восточного региона территории, окаймляемой с севера и юга плотным скоплением гидронимов с корнем *вар-*. Археологические исследования Прикамья и Приуралья показывают, что этот регион с древнейших времен вел международную торговлю впечатляющих масштабов. Согласно данным археологов Приуралья, начало связей этого края с югом лежит в глубокой древности, прослеживается с энеолита и бронзы. Но более документированы торговые связи для раннего железного века, когда в VIII–VI вв. до н.э. посредством товарного обмена в Прикамье с Северного Кавказа (реже из Закавказья) поступали готовые модели оружия и орудий труда, а также металл⁸⁰. В бассейне Камы вплоть до Урала найдены памятники греческой культуры, т.е. этот регион, также как побережье Балтийского моря того же периода, находился в сфере греческой торговли⁸¹. Во второй половине VI–IV вв. до н.э. прикамское население (ананьинская культура) имело интенсивные контакты с савроматским миром, саками, народами Казахстана и Средней Азии⁸². Ананьинский железодельный очаг функционировал в VIII–VI до н.э. наряду с северокавказским, среднеднепровским, скифскими⁸³. На рубеже эпох вещи из южных земель в Прикамье пополнились многочисленными стеклянными бусами, а также плакетками из голубого египетского фаянса в виде скарабеев, львов, медными римскими кастрюлями⁸⁴. В первой половине I тыс. н.э. в Прикамье наблюдался массовый приток ближневосточных бус, множество вариантов римских провинциальных фибул из мастерских Северного Причерноморья, а также изготавливаемых поздними скифами Поднепровья и сарматами Нижнего Поволжья. В могильниках III–V вв. Среднего Прикамья обнаружены десятки раковин моллюсков, добытых в тропических частях Тихого и Индийского океанов. Распространение прикамских вещей на запад

в Среднее Поволжье, в район Сурско-Окского междуречья, свидетельствует о развитии контактов в западном направлении⁸⁵. В V–VIII вв. южный импорт в Прикамье продолжал нарастать: это, по-прежнему, были стеклянные и каменные бусы, серебряные ожерелья, поясная гарнитура, парадное оружие и другие предметы причерноморского, ближневосточного, среднеазиатского происхождения. Привлекают внимание многочисленные находки парадной серебряной посуды и монет. Время притока сасанидского серебра в Прикамье датируется по-разному, с III в. по VII в.⁸⁶ Особой интенсивностью был отмечен приток драгоценностей в Прикамье с юга в VI–VII вв.⁸⁷ Приведенные выше материалы дают основание археологам говорить о том, что торговля южных областей с Прикамьем в I тыс. н.э. являлась одним из важных и хорошо освоенных торговых направлений и была настолько организована, что «из весьма отдаленных областей купцами поставлялись сюда крупные партии дорогих товаров»⁸⁸.

Кроме юга, Прикамье имело торговые контакты и с прибалтийскими землями. В качестве примера указываются, обычно, находки так называемых поясов неволинского типа, хорошо известных по памятникам Верхнего и Среднего Прикамья и характерных для женских захоронений, датируемых концом VII–VIII вв. Археолог Р.Д. Голдина отмечает, что судя «по многочисленности поясов (не менее 72. – Л.Г.), разнообразию их вариантов, находкам полных, со всеми привесками экземпляров, эти предметы изготовлялись именно здесь – в Сылвенском поречье. Такие пояса есть и на соседних территориях, в частности, на р. Чусовой... Довольно много их в... Верхнем Прикамье»⁸⁹. Прослежена и динамика развития производства этих поясов: «Пояса неволинского типа развились из поясов, украшенных накладками местных вариантов геральдических форм, получивших в науке название агафоновских... и распространенных здесь в VII в. ... Неволинские пояса в конце VIII–IX в. сменились в Прикамье многочисленными и разнообразными поясами салтовского типа»⁹⁰. Интересен тот факт, что значительное скопление поясов неволинского типа было выявлено на финском побережье Балтийского моря, где в нескольких захоронениях было обнаружено 19 поясов. Пояса этого типа датируются в Финляндии началом VIII в. Появление здесь поясов неволинского типа объясняется развитием торговой деятельности купцов из Прикамья, освоивших торговые пути на Балтику на рубеже VII–VIII вв. В результате этого в финском языке могло появиться слово «repmi» для обозначения странствующих торговцев⁹¹. Доказательством же того, что товары из Прикамья, действительно, «странствовали» на большие расстояния, служит обнаружение небольшого количества неволинских поясов в Сибири, в могильниках близ Томска⁹². Распространение поясов неволинского типа далеко за пределы места их изготовления говорит о том, что они рассматривались как признанный предмет роскоши. Об их престижности говорит тот факт, что один такой пояс был обнаружен в Швеции, в королевском кургане в Уппсале⁹³. Археологические находки вроде поясов неволинского типа красноречиво свидетельствуют о том, что развитие торговли в Восточной Европе в широтном направлении изначально шло с востока на запад, а не наоборот. Подтверждается данный вывод и анализом такого археологического материала, как бусы. Шведский археолог Ю. Каллмер, исследовавший происхождение бусинного материала памятников на территории Скандинавских стран, выделил разновидности восточных бус, поступавших в Скандинавию из Восточной Европы⁹⁴. Каллмер сопоставлял некоторые варианты восточных бус с находками поясов неволинского типа и пришел к выводу, что приток в Скандинавию указанных типов восточных бус, а также неволинских поясов был связан с торговой деятельностью купцов из Восточной Европы, из Волго-Окского междуречья или Камского бассейна⁹⁵. Российские археологи Р.Д. и Е.В. Голдины в результате тщательного изучения бус неволинской культуры в Приуралье определили, что все вышеперечисленные типы ранних восточных бус, обнаруженные в Скандинавии, не только хорошо известны в могильниках неволинской культуры, но и появились в Приуралье значительно раньше (VI в.), чем на Балтике⁹⁶.

Вышеприведенные материалы археологических исследований убедительно показывают, что торговый путь из Восточной Европы в регион Балтийского моря шел от «предела Симова» к Варяжскому морю: сначала на финское побережье Балтийского моря на рубеже VII–VIII вв., затем далее, на Скандинавский полуостров. Транспортными артериями в Восточной Европе служили речные системы. Предполагаемый путь движения торговцев из Приуралья шел по Каме, Волге, Мологе, Мсте, Волхову и другим рекам до Ладоги, а затем до Финского залива⁹⁷. Только местные народы, жившие по этим рекам из поколения в поколение и накопившие благодаря этому знания о восточноевропейской гидросистеме, об особенностях режима рек, об оптимальных маршрутах, могли быть пользователями речных систем в качестве транспортных магистралей. Дальнейший анализ археологических материалов северо-востока и северо-запада Восточной Европы, причем в комплексе с топонимикой этого ареала, совершенно необходим для реконструкции древней истории этих земель.

Привлечение таких материалов особенно важно, поскольку тема Волжского или Балтийско-Волжского пути занимает важное место в норманистской концепции, но картина там перевернута с ног на голову. Подчеркивая большое значение контактов между Восточной Европой и регионом Балтийского моря и справедливо определяя, что «Великий Волжский путь... в эпоху раннего Средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение»⁹⁸, ведущие норманисты уверяют, что этот путь развивался с Балтики на Волгу, а не с Волги на Балтику: «Балтийско-Волжский путь возник как *продолжение на восток* [выделено мною. – Л.Г.] сложившейся к середине I тысячелетия системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы»⁹⁹. Роль же восточноевропейских торговцев в процессе развития Балтийско-Волжского пути сводится к некоему абсолютному минимуму: «Естественную почву для пролонгации этого пути в восточном направлении создавали эпизодические контакты между Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья, зародившиеся еще в эпоху бронзы... Движимые естественным стремлением... к достижению новых рынков сбыта для своих товаров (? – Л.Г.) скандинавы стали первооткрывателями [неувядаемая идея рудбек-анского основоположничества! – Л.Г.] пути на восток»¹⁰⁰. Представлять в виде эпизодических контактов восточноевропейскую торговлю, на протяжении более полутора тысяч лет развивавшую международные торговые связи гигантского масштаба – от Приуралья до Египта, Византии, Тихого и Индийского океанов, а с начала второй половины I тысячелетия появившейся на Балтике (пояса неволинского типа и восточный бусинный материал), значит «не замечать слона». А говорить о скандинавах как первооткрывателях торговли в Восточной Европе – это утверждать прямо противоположное тому, что показывают археологические исследования в Приуралье. Однако вопрос о том, кто реально участвовал в восточноевропейской торговле, очень актуален для данной статьи. Ведь чтобы поддерживать торговлю такого грандиозного масштаба, причем развивать ее на протяжении тысячелетий, требовалось наличие высокоразвитого судоходства – речного и морского. Кто, какой народ обладал в этом регионе такой судоходной традицией, идущей из глубины времен? И какова глубина этих времен?

Традиции освоения морских просторов в Восточной Европе прослеживаются вплоть до глубокой древности. Свидетельством тому являются, например, изображения больших, пригодных для морских плаваний лодок, среди мезолитических наскальных петроглифов Кобыстана (Гобустана) у берегов Каспийского моря в Азербайджане, а также среди беломорских петроглифов близ г. Беломорска на берегу Залавруга и онежских петроглифов при устье р. Водлы¹⁰¹. Петроглифы Карелии, в частности, запечатлели выразительные картины столкновений между различными группами людей: одни из них изображены на лыжах, другие сидящими в морских лодках или выходящими из них на берег. Ведущий специалист в области исследования наскальных памятников Карелии Ю.А. Савватеев, обобщая опыт прочтения петроглифов в работах предшественников (А.Я. Брюсова, А.М. Лиевского, В.И. Равдоникаса), обращал внимание на то, что лыжи в этих изображениях не характеризуют зимний период года (иначе, откуда же лодьи, явно пришедшие по воде), а являются отличительным признаком определенной этнической группы, в которой принято видеть местное население, сражающееся с пришельцами в лодках («мореходами»). Мысль о том, что петроглифы изображают различные этнические группы, представляется убедительной. Но категоричное разделение «лыжников» и «мореходов» на «местных» и «пришлых» вызывает сомнения. Противоречия между изображенными группами – жителями одной местности – могли быть связаны, например, с их принадлежностью к различным культурно-хозяйственным типам, что включало, в том числе, и различия в культах, а это, в свою очередь, создавало сложносоставную этносистему. Чтобы вычленив нужную нам этносоставляющую в такой системе, проще всего посмотреть на то, у какого восточноевропейского народа традиции древнего морского и речного судоходства сохранились дольше всего, и мы снова приходим к поморам. Но прямыми наследниками чьей древней традиции морского и речного судоходства являются поморы Русского Севера, земля которых отмечена топонимией с корнем *вар-*, воплощающим связь с водной стихией? В рамках рабочей гипотезы я предлагаю свой вариант ответа: поморы Русского Севера являются потомками древних варягов, в которых следует видеть и часть древнерусских дославянских предков, издревле владевших речным и морским судоходством в Восточной Европе.

Есть еще один аспект, который мне хотелось бы затронуть в связи с размышлениями о праиндоевропейских корнях населения северной части Восточной Европы – это мифопоэтическое сознание первобытных времен, которое выражает себя, в частности, в образах сакральной географии, где создаются культурные архетипы и символы, отражающие специфику этногенеза того или иного народа и потому содержащие чрезвычайно важную информацию для этноисториче-

ской идентификации прежде всего в дописьменные периоды. Изучению сакральной географии Русского Севера уделялось в последнее время большое внимание¹⁰². Одним из направлений этих исследований стало выявление наиболее типичных символов, выраженных в географических образах определенной местности или страны. «Этническая идея каждого народа для своего свершения, воплощения нуждается в особой географии, в исключительно ей одной присущем и предначертанном природно-ландшафтом локусе»¹⁰³.

В мифологической картине, созданной древнерусской традицией, важное место занимает особый географический образ – остров. Этот образ сохранился в таком древнем памятнике устной традиции, как древнерусские заговоры, в основе своей восходящие к космогоническим мифам или представляющие одну из форм их проявления, причем образ острова находится в центре всей заговорной космогонии и является точкой отсчета и началом начал. Поскольку остров выступал как устойчивый топоним русского фольклора в виде острова Буяна, то разгадкой его символики занимались многие видные исследователи русского фольклора, начиная с А.Н. Афанасьева; изучение его продолжается и в наши дни¹⁰⁴. Но попытки истолковать этот культурный архетип древнерусской геософской традиции наталкиваются на определенные трудности. Дело в том, что остров и лежащий на нем загадочный Алатырь (камень) именовались «пупом морским» (в некоторых вариантах «пупом земным»): «В Окиян-море пуп морской, на том морском пупу – белый камень Олатырь»¹⁰⁵. «Пуп морской» наряду с пупом земным – это эквиваленты центра мироздания, т.е. отождествления с центром мира или мировой осью (axis mundi) – одной из важнейших категорий моделирования пространства в архаической модели мира, которая присутствует во всех мифологических системах¹⁰⁶. Самыми распространенными воплощениями идеи мировой оси или середины мира являлись вертикально ориентированные предметы: мировое дерево и мировая гора, но эта идея могла быть также представлена и в виде других объектов, например, камня или груды камней, а также возвышения из глины или земли, столба (и как архитектурной конструкции, и как столба дыма, восходящего от алтаря/жертвенного костра к небу), в виде очага, а в более развитых культурах – в виде храмового алтаря, царского трона и ряда других сакрализованных предметов. Помимо этого понятие центра мира связывалось с идеей зародыша мира, начальной точки отсчета в этногенетической истории. Совокупность этих представлений оформилась в понятие сакрального центра как легендарного священного места рождения народа и места вечного пребывания предков всех живущих его представителей, как «точка отсчета для осознания временой (циклической) перспективы»¹⁰⁷. Идея сакрального центра эволюционировала и во времени, и в пространстве, что могло выражаться в переносе сакрального центра в силу подвижности социумов, а также в смене уровня значимости сакрализованного объекта, через который проходила мировая ось, т.е. сакральный центр небольшого коллектива (рода) мог выдвинуться и стать центром страны (например, Дельфийский храм, где камень Аполлона Омфал олицетворял мировую ось, стал культовым центром Эллады). Но традиция сохраняла память обо всех наиболее важных воплощениях сакральных центров и связанных с ними сакрализованных образов, даже если их актуальность менялась в процессе этносоциальной истории. Эти образы ложились в основу мифологических рассказов, переходящих из поколения в поколение, принимали форму первообразов или архетипов, в которой нашли выражение и закрепились специфические ценности, характеризующие определенную этническую общность как культурную целостность.

Почему истолкование образа острова из древнерусских заговоров вызывает затруднения исследователей и чем этот образ интересен для данной статьи? Остров как сакральный объект тесно связан с Русским Севером, причем с глубокой древности. Вспомним островные мезо- и неолитические Оленеостровские могильники в Онежском озере и Баренцевом море. Представления об острове как сакрализованном пространстве сохранились в культуре некоторых народов Севера, в частности у поморов, у саамов, у карел, в какой-то степени у ижор, у ненцев, т.е. у представителей различных этноязыковых общностей, этнические территории которых группировались вокруг ареала упомянутых Оленеостровских могильников. Но реальное отражение островной культуры имело у этих народов свою специфику. У саамов и карел эта культура сохранилась в традиции островных кладбищ¹⁰⁸. В мифологии ижор видны следы влияния древнерусского концепта острова: земля как остров, образовавшийся при падении священного объекта с неба (ср. выпадение с неба «Голубиной книги» к Алатырь (камню))¹⁰⁹. Как особо сакрализованное пространство воспринимались остров у поморов. Поморские сказания сохранили связь острова с началом космогенеза, когда земная твердь стала отделяться от воды. Хтонические мотивы в беломорских и онежских преданиях о связи острова с змееподобным божеством, мотивы плавающего острова, мотивы связи вещей птицы (например, петуха) с островом вылились в традицию островопоклонства у поморов, которая в христианское время приняла форму установления обетных

крестов на островах (или на берегу) и восприятия острова как наиболее благоприятного места воздвижения церквей и монастырей¹¹⁰. Таким образом, в поморской культуре мы видим наиболее полный концепт острова как священного пространства: это и островные погосты, как у саамов и карел, и островная церковно-монастырская традиция, т.е. остров как «мир усопших» и остров как место общения с Богом. Однако только в более общей, выходящей за пределы региональной поморской, севернорусской традиции мы видим представление об острове как олицетворении мировой оси (*axis mundi*) или центра мироздания. И вот этот феномен исследователи уже не одно столетие затрудняются объяснить, поскольку не могут определить, откуда этот феномен явился в древнерусскую традицию – мы ведь живем в убеждении, что в древнерусской традиции все либо пришлое, либо заимствованное. Исходные основания пытаются отыскивать во влиянии финно-угорской островной культуры на поморскую, но у финно-угров нет понятия острова как мировой оси. Второй путь поисков связан с влиянием общеславянских традиций, но славяне расселялись в Европе с юга, а островная культура связана с Севером. Опыты в этих поисках пытаются находить в связи преданий об острове Буяне с Рюгеном и южнобалтийской славянской традицией. Связь эта безусловно есть, но во-первых, южнобалтийская традиция складывалась не только на основе славянской, а имела и более древний индоевропейский субстрат; во-вторых, Море-Окиян, где заклипания и космогонические мифы помещали таинственный остров с Алатырь-камнем, мог быть связан как с Балтийским морем (Балтийское море под именем Венедского залива считалось частью Океана), так и с Белым морем – так называли его поморы, как явствует из жалованной грамоты Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкие и другие острова 1459–1469 гг. Исследование означенной проблематики – задача монографии, а не статьи. Но все же хочется подчеркнуть ее важность еще одним примером. Когда, согласно мифам, легендарные гипербореи принесли культ Аполлона грекам, то первое святилище они воздвигли на острове Делос. Островная культура была, очевидно, чужда эллинам, поэтому священный камень Аполлона Омфал был перенесен на материк в Дельфы, где был установлен в храме и провозглашен центром Эллады и, соответственно, мироздания. Таким образом, камень как атрибут мировой оси (не смешивать с общим культом камнепоклонства), запечатлелся только в эллинской и древнерусской традиции, а остров как олицетворение центра мира – только в севернорусской традиции. Для меня – это еще одно указание на наличие индоевропейского субстрата на восточноевропейском Севере, носители которого должны быть связаны с древнерусской традицией предковой связью. Именно к праиндоевропейским корням населения Севера Восточной Европы уводят нас вышеприведенные древние сакральные традиции, составившие наиболее архаичный пласт древнерусской дославянской культуры.

Так выстраивается историческая ось моих поисков: мезолитические островные усыпальницы Севера, где обретали вечный покой древние предки-покровители, с одной стороны, и остров как сакральный центр – уникальное воплощение мировой оси в древнерусской традиции, с другой стороны. Присовокуплю к этому таинственный «остров русов», который, наверняка, являлся не просто географическим объектом, а архетипом древнего центра мира – «пупа морского» и легендарным местом «рождения» одного из прашуров русов (географически таких островов могло быть много). Между этими двумя точками следует предположить наличие связующего звена, обеспечившего передачу преемственности уникальных сакральных первоначал древнейшего Севера для Древней Руси и в силу этого выступившего прямым предком последней. Таким связующим звеном, полагаю, было праиндоевропейское население Севера, в числе которых выделяются предки северных поморов – древние варяги Севера, сменившие здесь мезолитические племена и унаследовавшие северные священные традиции, связанные с островом как наиболее сакрализованным пространством, закрепив свое главенство в полиэтнической среде многочисленными топонимами с корнем *вар-*, тиражировавшими как имя народа, так и, возможно, имя божественного первопредка. Над дальнейшим обоснованием высказанных предположений я и буду продолжать работать. Но работа – в самом начале. Предстоит многое сделать. Однако сам метод предлагаемой более комплексной реконструкции, когда к лингвистическим и археологическим свидетельствам добавляются и этнологические, представляется перспективным и мало-востребованным.

Примечания

¹ Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского Севера / Сборник научных статей. Архангельск, 2006; *Теребихин Н.М.* Лукоморье: Очерки религиозной геософии и маринистики Северной России. Архангельск, 1999; *его же.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

² См., напр.: *Гиренко Н.М.* Социология племени: Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004. С. 110–151. Библиографию по вопросу см.: Там же. С. 303–315.

³ *Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 4.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 4.

⁵ *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2005. С. 156, 165, 404; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... М., 2003. С. 222.

⁶ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 404.

⁷ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 222.

⁸ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 156; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 222.

⁹ *Байер Г.З.* О варягах // *Фомин В.В.* Ломоносов: гений русской истории. М., 2006. С. 353–354.

¹⁰ *Nordström J.* De Yverbornes Ö. Stockholm, 1934; *Latvakangas A.* Riksgrundarna. St., 1995. S. 167–175.

¹¹ *Rudbek O.* Atland etller Manheim. I. Uppsala, 1937. S. 324–325.

¹² Подробнее о рудбекианизме и влиянии других утопий на концепции по варяжскому вопросу см.: *Грот Л.П.* Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки. 2006: Историографический вестник. М., 2007. С. 72–118; *ее же.* Начальный период российской истории и западноевропейские утопии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научных конференций 2006–2007 гг. Великий Новгород, 2007. С. 12–22; *ее же.* Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 111–117.

¹³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 276.

¹⁴ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 157.

¹⁵ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: К истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 67; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 263.

¹⁶ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Указ. соч. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. СПб., 1908. С. 210–211.

²⁰ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Указ. соч. С. 63–67.

²¹ *Svenning J.* Zur Geschichte des Goticismus. Stockholm, 1967. S. 91.

²² *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10; *его же.* Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. № 11; *его же.* Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994. С. 7–9; *его же.* Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий. М., 1987. С. 123–124; Откуда есть пошла Русская земля: Века VI–X / Сост., предисл., введение к документам. А.Г. Кузьмина. Кн. 2. М., 1986; *его же.* История России с древнейших времен до 1618 г. М., 2003; *его же.* Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003; С. 187–242; *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Росский каганат и остров ругов // Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 1999. С. 463–464; *Иванов В.Д.* Русь изначальная // Сост., предисл., коммент. А.Г. Кузьмина. Т. 1. М., 1986. С. 25–27.

²³ *Колиненко Ю.В.* К публикации рукописи Ю.И. Венелина «О происхождении славян» // Сборник Российского исторического общества (далее – РИО). Т. 8. М., 2003. С. 18–20; *Фомин В.В.* Запад и западноевропейцы в русской письменной традиции (X–XVIII) // Копелевские чтения 1999. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2000. С. 85–92; *его же.* Наименование западноевропейцев в ранних русских источниках // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета ЛГПУ. Вып. 2. Липецк, 2000. С. 214–227; *Фомин В.В.* Варяжский вопрос: его состояние и пути разрешения на современном этапе // Сб. РИО. Т. 8. С. 264–265; *его же.* Варяги и Варяжская Русь. С. 422–473; *его же.* Южнобалтийское происхождение варяжской Руси //

Вопросы истории. 2004. № 8. С. 149 – 163; *Геденов С.А.* Варяги и Русь // Предисл. коммент., биографич. очерк В.В. Фомина. М., 2005. С. 535–545.

²⁴ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 240–241.

²⁵ *Shore T.W.* Origin of the Anglo-Saxon Race: A Study of the settlement of England and the tribal origin of the Old English. London, 1906.

²⁶ *Shore T.W.* Указ. соч. Р. 24, 34–36, 46.

²⁷ *Pokorny J.* Urgeschichte der Kelten und Illirer. Halle, 1938. S. 11.

²⁸ *Steinhauser W.* Das Illiretum der Naristen // *Schwarz E.* Zur germanischen Stammeskunde. Darmstadt, 1972. S. 55–58.

²⁹ *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 47–48.

³⁰ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 239–242.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 4.

³² Летописные названия «земля Агнянска» и «англыне» как явствует из текста летописи, при-
мыкают к побережью Балтийского моря и локализуются как его западный предел. В силу этого
они закономерно и отождествляются с именем англос и их страной на юге Ютландского полу-
острова «Ангулус» или «Ангелн». Это имя было перенесено в ходе переселения англо-саксов на
Британские острова (*Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь. С. 422; библиографию см. на с. 462).
Но в науке получило распространение мнение о том, что летописная «земля Агнянска» – это Анг-
лия Британских островов, а «англыне» – англичане, что, к сожалению, встречается даже у таких
крупных ученых как М.Н. Тихомиров (*Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 30),
хотя летопись дает конкретное адресование. Отождествление летописных англан и англос харак-
теризуется В.Я. Петрухиным как «старая догадка антинорманистов XIX в.» (*Петрухин В.Я.* Ле-
генда о призвании варягов и Балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008.
№ 2(32). С. 42). Но англы и варины/вэринги у Т. Шора – соседи и близкие союзники на протя-
жении многих веков, а это ведь явный аргумент в пользу отождествления летописных англан и
англос.

³³ См., напр.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание; *Вилинбахов В.Б.* Современная историо-
графия по проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. М., 1980. № 1;
Азбелев С.Н. К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы.
Сб. 7. Ч. 2. М., 1994; *Сахаров А.Н.* Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сб.
РЮ. Т. 8; *Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь.

³⁴ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 205.

³⁵ Там же.

³⁶ *Минкин А.А.* Топонимы Мурман. Мурманск, 1976. С. 5–8; *Розен М.Ф., Малолетко А.М.*
Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986. С. 6–9; Народы Поволжья и Приура-
лья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000; Очерки исторической
географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 17–30; Прибалтийско-фин-
ские народы России. М., 2003; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 58–59; Печенга: Опыт
краеведческой энциклопедии / Авт.-сост. В.А. Мацак. Мурманск, 2005.

³⁷ Очерки исторической географии... С. 25–27.

³⁸ *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Финно-
угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987; *Голдина Р.Д.* Силуэты раста-
явших веков. Ижевск, 1996. С. 14–15; Очерки исторической географии. С. 25–30; *Петрухин В.Я.,
Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 40–59.

³⁹ Прибалтийско-финские народы России. С. 6.

⁴⁰ Очерки исторической географии... С. 25.

⁴¹ *Дьяконов И.М., Ильин Г.Ф.* Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия
до н.э. // История Древнего мира. М., 1989. С. 382–387.

⁴² *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 227.

⁴³ *Минкин А.А.* Указ. соч. С. 23.

⁴⁴ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 241.

⁴⁵ *Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного: (Земли
южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985) // Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожден-
ные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 1999. С. 398–401.

⁴⁶ *Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993. С. 3–61.

⁴⁷ *Кузьмин А.Г.* Из статьи В.В. Бартольда «Арабские известия о русах» // Славяне и Русь...
С. 316–317.

⁴⁸ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 56–57.

⁴⁹ Там же. С. 146–149.

⁵⁰ *Серебрянников Б.А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Труды Академии наук Литовской ССР. Сер. А, 1. Вильнюс, 1957. С. 69–70.

⁵¹ *Керт Г.М., Мамонтова Н.Н.* Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 2007. С. 49–50.

⁵² *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии русского мира. СПб., 1837.

⁵³ См., напр.: *Гиренко Н.М.* Социология племени. СПб., 2004. С. 116–132, литературу по данному вопросу см. на с. 303–315.

⁵⁴ *Топоров В.Н., Трубаев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 3.

⁵⁵ *Wehrmann M.* Genealogi des pommerschen Herzogshauses. Stettin, 1937. S. 1–3.

⁵⁶ *Münster S.* Cosmographia. Basel, 1628. Faksimile-Druck nach dem Original von 1628. Lindau, 1978. S. 1420. Традиция, которая была известна Мюнстеру, находит косвенное подтверждение и у Т. Шора, соединявшего варягов с варинами/вэрингами населявшими юго-западный район Балтии.

⁵⁷ *Nordisk familjebok.* В. 17. Malmö, 1954. S. 383.

⁵⁸ Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. С. 77.

⁵⁹ Опыт расшифровки через санскрит названий водоемов Русского Севера / Сост. С.В. Жарникова // *Гусева Н.Р.* Славяне и арии: Путь богов и слов. М., 2002. С. 313–314.

⁶⁰ *Орлов А.* Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907. С. 375–376.

⁶¹ *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 91.

⁶² См., напр.: *Минкин А.А.* Указ. соч. С. 7; Прибалтийско-финские народы России. С. 55 и др.

⁶³ Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. С. 77.

⁶⁴ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси... С. 227.

⁶⁵ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Указ. соч. С. 66.

⁶⁶ *Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь. С. 170.

⁶⁷ *Керт Г.М.* Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск, 2002. С. 88, 150.

⁶⁸ *Керт Г.М., Мамонтова Н.* Загадки карельской топонимики. С. 10–11.

⁶⁹ *Топоров В.Н., Трубаев О.Н.* Лингвистический анализ... С. 8.

⁷⁰ *Минкин А.А.* Указ. соч. С. 189.

⁷¹ *Йоалайд М.* Об этимологии фамилии Керт // Прибалтийско-финское языкознание / Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 24–29.

⁷² *Соколов М.* Старорусские солнечные боги и богини: Историко-этнографическое исследование. Симбирск, 1887. С. 86.

⁷³ *Минкин А.А.* Указ. соч. С. 189.

⁷⁴ Там же. С. 62, 66, 70, 96, 111, 139, 140–141.

⁷⁵ Прибалтийско-финские народы России. С. 54.

⁷⁶ *Топоров В.Н., Трубаев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 3.

⁷⁷ Там же. С. 178.

⁷⁸ Там же. С. 181.

⁷⁹ Там же. С. 179.

⁸⁰ *Голдина Р.Д., Голдина Е.В.* Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 5–11; *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

⁸¹ *Лурье С.Я.* История Греции. СПб., 1993. С. 138.

⁸² *Кузьминых С.В.* Указ. соч. С. 178–179.

⁸³ *Солнцев Л.А., Фомин Л.Д., Шрамко Б.А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // Советская археология. 1977. № 1. С. 57–74.

⁸⁴ *Голдина Р.Д., Голдина Е.В.* Указ. соч. С. 7.

⁸⁵ Там же. С. 7–8.

⁸⁶ *Бадер О.Н., Смирнов А.П.* «Серебро Закамское» первых веков н. э. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 13. М., 1954; *Воицинина А.И.* О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. н. э. // Советская археология. 1953. Т. 17. С. 183–196; *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967; *Мухаммадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья.

Казань, 1990; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.

⁸⁷ Бадер О.Н. Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 166–169; *его же*. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье: (К последним находкам) // На Западном Урале. Молотов, 1952. С. 182–200.

⁸⁸ Казаманова Л.Н. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 26. Ч. 2. М., 1957. С. 70–76.

⁸⁹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 8–9.

⁹⁰ Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего Средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института, археологии. 1979. Вып. 158. С. 79–90.

⁹¹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 10–11.

⁹² Мейнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 35–40.

⁹³ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 10.

⁹⁴ Callmer J. The beginning of the Easteuropen trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // Internationale Konferenz uber das Fruhmittelalter. Szekszard, 1989. S. 25.

⁹⁵ Op. cit. S. 22–35; Trade beads and bead Trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. / Acta Archaeologia Lundensia. S. 4. Nr 11. Bonn, Lund, 1977.

⁹⁶ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 12–13.

⁹⁷ Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

⁹⁸ Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь: государства, главные партнеры, торговые маршруты // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 7.

⁹⁹ Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X вв. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 132.

¹⁰⁰ Там же. С. 132–133.

¹⁰¹ Джафарадзаде И.М. Наскальные изображения Кобыстана // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965; Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1–2. М.; Л., 1936–1938; Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.

¹⁰² См. об этом: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Сборник научных статей. Архангельск, 2006; Терехихин Н.М. Лукоморье. Архангельск, 1999; *его же*. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

¹⁰³ Терехихин Н.М. Геософия и этнокультурные ландшафты народов Баренцева Евро-Арктического региона // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты. С. 70.

¹⁰⁴ Афанасьев А.Н. Языческие предания об острове Буяне // Временник Императорского Московского общества истории древностей российских. М., 1851. С. 1–24; *его же*. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3. Т. 2. М., 1995. С. 69–78; Байбури А.К. Некоторые аспекты мифологии острова и «Остров Борнгольм» Н.М. Карамзина // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты. С. 38–46; Терехихин Н.М. Священный остров: (Мифология островной культуры Русского Севера) // Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 20–39; Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993. С. 108–127.

¹⁰⁵ Виноградов В. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 1. СПб., 1908. С. 29.

¹⁰⁶ О «мировой оси» см.: Рабинович Е.Г. «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры // Вестник древней истории. 1976. № 3; Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982; Шиндин С.Г. Указ. соч. С. 111–120.

¹⁰⁷ Гиренко Н.М. Основные динамические структуры социального прогресса в рамках племени // Социология племени. СПб., 2004. С. 132–151; Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

¹⁰⁸ Терехихин Н.М. Священный остров.... С. 20.

¹⁰⁹ Конькова О.И. Ижорский миф: формирование и конструкция: Пространство и время // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты. С. 57.

¹¹⁰ Терехихин Н.М. Священный остров... С. 21–32.